

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоаналитический подход к пониманию феномена трансгендерности

Л.Н. Субботина

Субботина Любовь Николаевна – клинический психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт (ЕСРР), ассоциированный член МПА.

В статье анализируются особенности фантазма о первосцене и процессов символизации у транссексуалов. Психоаналитический подход к исследованию транссексуальности раскрывается в контексте общей истории теоретического определения сексуальности, характерной для психоаналитической, философской, социальной мысли. Статья воспроизводит психоаналитическое толкование перверсной механики транссексуализма.

Ключевые слова: транссексуальность, символизация, первосцена, перверсия, трансгендерность, сексуальность.

Введение

Феномен трансгендерности привлекает к себе все больше внимания в последнее время сразу в нескольких дискурсах. Это и медицинский дискурс, связанный с развитием хирургии и гормональной терапии, и социальные практики новой этики, все больше проявляющиеся в поле публичности, озвучивающие требования равноправия, новых речевых, социальных, моральных, юридических практик. Тема эта (трансгендерности) по-прежнему остается привлекающей повышенное внимание, поскольку провоцирует острую постановку вопросов о существующих социальных нормах, о том, что следует считать нормативно-желательным, о границах, проходящих между телом социальным и телом индивидуальным. И, конечно же, данная тема привлекает исследовательский интерес психоанализа, поскольку именно психоанализ имеет давнюю историю исследований сексуальности. Заслугой психоанализа является выведение

сексуального из-под тени биологического. Вместе с тем влияние психоанализа на социальные оценки феномена сексуальности является не только заслугой психоаналитиков-исследователей, но и их ответственностью. Когда-то истерия стала почвой для рождения психоанализа, возможно, сейчас загадка трансгендерности сможет открыть для психоанализа новые горизонты теоретического развития.

Психоаналитическая пересборка сексуальности: от инстинкта к социальной роли, от пола к гендеру и трансгендерности

Общеизвестной является роль психоанализа в трактовке человеческой сексуальности как недетерминированной исключительно биологической данностью тела. Мысль эта была высказана в самом начале XX века, а подготовлена теоретически еще раньше. В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд последовательно выводит сексуальность из дискурса патологии, ставя под сомнение обязательную притягательность одного пола для противоположного, а также врожденную заданность выбора любовного объекта, ограничивая понимание перверсии в качестве патологии и заявляя о присущей каждому существу бисексуальности. Субъект у З. Фрейда уже не мыслится как обладающий инстинктами, которые бы задавали гендерную роль. Основатель психоанализа выдвинул тезис об отсутствии в области человеческого желания естественного порядка и таким образом проблематизировал прежнее понимание перверсии и патологических форм сексуальности. Так в истории европейской мысли убежденность в биологической основе человеческого желания и пола постепенно сменялась признанием сексуальности в качестве социального феномена, что подготовило почву для возникновения понятия «гендер».

Данный концепт был введен в научную лексику в 1958 году американским психоаналитиком Робертом Столлером. В 1958 году он ввел данный концепт в научный дискурс, разграничив биологический пол и социальную идентичность. Таким образом, было положено необходимое различие для дальнейшего развития гендерных исследований. По мысли Столлера, изучение пола необходимо оставить на откуп биологии и физиологии, в то время как социополовое самосознание является культурно-историческим феноменом, предметом психологии, социологии и других гуманитарных дисциплин. Проведенное различие биологического и культурного аспектов сексуальности выделило гендер в качестве отдельной предметной области и позволило анализировать сексуальность в качестве инструмента социальной детерминации в ее связи с проблемами дискурса и власти.

Французский философ-постструктуралист Мишель Фуко утверждал, что сексуальность должно рассматривать в качестве корреляции «той постепенно сложившейся дискурсивной практики, каковой является *scientia sexualis*» (Фуко, 2012), то есть как история дискурса. Эта мысль была развита Д. Батлер, которая в своей работе «Гендерная тревога: феминизм и ниспровержение идентичности» исходит из той же предпосылки,

что и М. Фуко, а именно: фигура власти функционирует не явным вертикальным способом, но окружает нас со всех сторон. «Власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» (Фуко, 2012) – так об этом пишет французский философ. Иными словами, властные отношения проникают во все общественные сферы, не будучи локализованными в определенных точках.

С помощью концепта гетеронормативности Д. Батлер проблематизирует то, что в обществе считается нормальным гендерным поведением. По ее мысли, оно является политически обусловленным конструктом. Гетеронормативность предполагает существование разделения на два гендера – мужчины и женщины. По Д. Батлер, «нормальные» гендерные сексуальные отношения возникают с помощью повторяющихся практик речевой нормализации. Другими словами, субъектам уже предписано вести себя тем или иным образом, как мужчина или как женщина. Культурно обусловленные целостные представления об идентичности, которые поддерживают мнимую согласованность, непротиворечивость между гендером, сексуальностью, желанием субъектов, Батлер называет «интеллигибельными гендерами» (Батлер, 2002). Автор критикует такую стандартизацию, понимание идентичности в качестве тождественной себе и непротиворечивой. Обмен ролями или самостоятельный выбор идентичности невозможен в условиях гетеронормативности.

Д. Батлер обращается к квир-теории, согласно которой гендер и сексуальная ориентация индивида формируются его социокультурным окружением и условиями личного воспитания, нежели биологическим полом. В широком смысле понятие «квир» соответствует человеку, который не находит возможным для себя соответствовать предзаданному обществом образцу мужчины или женщины, но развивает свою собственную идентичность.

Таким образом, данная теория оказывается субверсией гендерной дихотомии. Она обнаруживает такие идентичности, которые не соответствуют традиционным и даже противоречат им, оказываясь по ту сторону существующей гетеросексуальной матрицы. Наряду с Д. Батлер деконструкцию идентичности проводили такие авторы, как И. Кософски Сэджвик, Э. Гросс и другие представители квир-теории.

Именно за счет перформативного эффекта и его повторений гендерная идентичность переживается субъектом в качестве естественной. На деле же гетеросексуальность оказывается навязанной, или, в терминах созвучной Батлер феминистки А. Рич, «принудительной гетеросексуальностью». Однако человек может обнаружить данный механизм и предпринять попытку оказать ему сопротивление в изобретении новой собственной идентичности.

По Фрейдю, маскулинность проистекает из трех главных источников: биологических факторов, первичной гетеросексуальности (желания к матери), возникающей вскоре после рождения, как только начинается процесс понимания, и идентификации с отцовской маскулинностью, когда разрешен эдипов конфликт. Выводом этой теории является то, что принадлежность к мужскому полу воспринимается субъектом как высшее

состояние. В представлении человечества пенис представляет собой более уважаемый сексуальный орган, а маскулинность и достижения представляют собой более желанные занятия для обоих полов. Другой вывод состоит в том, что женщины – низшие, поскольку у них «низшие» гениталии, и с самого начала они гомосексуально ориентированы, их первая любовь – того же пола.

Столлер рассматривает теорию психосексуального развития, добавляя к ней фактор первичного симбиоза матери и ребенка. Он соглашается с тем, что первым объектом любви мальчика-младенца является его мать, но существует более ранняя фаза, в которой он слит с матерью до того, как она появится в качестве отдельного объекта; то есть он еще не определил свои психику и тело как отличные от тела матери, – а она женщина с женской гендерной идентичностью. Таким образом, возможно, что мальчик не являлся поначалу гетеросексуальным, как предполагал Фрейд, но скорее он должен отделиться от женского тела своей матери и феминности и осуществить процесс индивидуации в направлении маскулинности. Гетеросексуальность у мужчин – это достижение, не являющееся также, как говорил Фрейд, данностью; если эту гипотезу можно подтвердить, тогда маскулинность не является естественно возникающим состоянием, как говорил Фрейд. По мнению Столлера, таковым является некая рудиментарная феминность. Он считает ее первой, первичной фазой развития маскулинности.

В работе «Пол и гендер» (1968) психоаналитик высказывает сомнение в том, что чувство единства с матерью поддерживает хотя бы начальное чувство принадлежности к мужскому полу в первые месяцы жизни, – скорее что этому единству с женщиной-матерью необходимо противодействовать. Только если мать поддерживает развитие маскулинности, по мере того как будет осуществляться процесс развития Я, единство будет в достаточной степени разрушено. Она делает это в первую очередь потому, что желает маскулинного сына и наслаждается им. Учитывая эту ниже лежащую мотивацию, она будет поощрять развитие поведения, которое считает маскулинным, и не одобрять то, что считает феминным, – процесс, продолжающийся бесконечно дни и ночи напролет. В том случае, если чувства, которые она испытывает по поводу того, что ее сын становится маскулинным, менее чем теплые, она будет сообщать ему свое неодобрение того поведения, которое она считает маскулинным. Именно те стили, которые она использует для того, чтобы награждать и наказывать его поведение, сформируют его нарушения маскулинности точно так же, как другие стили материнства формируют качества младенцев, которые станут чертами характера детей. Такая гипотеза формирования маскулинности, выдвинутая Столлером, вносит важное разъяснение в понятия пола и гендера: пол – то, что воспринимается родителем, гендер – то, что им отражается в коммуникации, направленной на субъекта.

Роберт Столлер так описывает развитие мужского транссексуализма. Первым фактом в этой конструкции является потребность выделить из множества состояний, в которых мужчины надевают женскую одежду, те, что, собственно, Столлер называет транссексуализмом. Его существенная

черта состоит не в том, что пациент просит о смене пола, поскольку это делают и другого рода пациенты. *Скорее она состоит в том, что не существовало никакой существенной фазы в жизни, которую бы этот анатомически нормальный мужчина мог бы определить в качестве маскулинной.* Таким образом, начиная с тех дней детства, когда любого рода гендерное поведение впервые дает о себе знать, этот мальчик создавал такое впечатление, словно бы он считает себя девочкой. Его поведение всегда было феминным; и в нем было не больше подражания или игры, чем в бесспорно феминных девочках. Поведение рассматриваемых мальчиков с возраста четырех-пяти лет и до зрелости проистекает из чувства феминности, выражаемого в качестве убежденности, что они должны быть женщиной (хотя в действительности транссексуалы не утверждают, что они – женщины; они признают, что их анатомия мужская). Начиная с раннего детства и далее их поведение не является женоподобным (женоподобность здесь означает подражание или карикатуру, другими словами, враждебность и зависть по отношению к другим женщинам, которые нужно минимизировать или отрицать; феминность здесь означает естественность и отсутствие карикатуры). Скорее у транссексуалов есть сознательная открытая зависть, сравнимая с завистью человека, рожденного без ног, по отношению к тем, кому повезло больше. Естественность этой феминности отмечают все наблюдающие: семья, родственники, товарищи, соседи, учителя, незнакомые люди и «мы, те, кто наблюдает транссексуального ребенка в своих исследованиях». К тому времени, когда этим мальчикам исполняется три или четыре года, незнакомые люди уже путают их с девочками независимо от того, какая одежда на них надета. Играя, эти мальчики хотят вести себя так, словно бы они были девочками; они берут только роли девочек, и их почти сразу же принимают девочки, когда они играют в девчачьи игры, в которые других мальчиков не пускают. По мере того как детство заканчивается и переходит в подростковый период и зрелость, феминность не уменьшается, желание иметь женское тело сохраняется, и никакие угрозы не могут заставить транссексуала быть способным хотя бы на мгновение притвориться маскулинным человеком.

Столлер приводит следующую этиологию «эталонной» транссексуальности.

Клинические наблюдения Роберта Столлера позволяют ему выделить следующие общие черты в структуре матерей транссексуалов. В собственном детстве такая женщина мало дорожила своей принадлежностью к женскому полу и феминностью. Ее собственная мать обращалась с ней так, словно та кастрирована; ее отец более любящий, побуждал ее идентифицироваться со своими маскулинными интересами. Возможно, между ранним детством и пубертатом девочка так акцентировала маскулинные качества, что желала быть мужчиной и несколько лет носила только мальчишескую одежду, подстригала волосы, как мальчик, и играла в игры только с мальчиками.

С началом физических изменений в подростковом возрасте девочка – в отличие от женщин-транссексуалов, с которыми до этого момента имела сходство, – оставила всякие надежды на то, что когда-нибудь

станет мужчиной. Вместо этого она надела на себя личину феминности и со временем вышла замуж. Мужчина, за которого она вышла замуж, – отец транссексуала – пассивный, отстраненный, хотя обычно и не женоподобный мужчина, которому не суждено быть сильной фигурой в браке. От него ожидается, что он будет поддержкой для всей семьи, но он оказывается не допущен в эдипальный треугольник. Он остается вне отношений «мать – сын». Дальше Роберт Столлер предполагает, что «в этом несчастном браке рождается тот, кому суждено стать транссексуалом». Однако, хотя семейная динамика является таковой, как описана выше, ни у кого из детей транссексуализм не возникает раньше, пока не рождается мальчик, который видится матери прекрасным и изящным. Этот младенец – лучшее, что когда-либо случилось с его матерью. Это ее нарциссический триумф и символический фаллос, отнятый кастрирующей матерью. «Наконец, после стольких лет тихой безнадежности, не имея возможности дорожить своим полом или гендерной идентичностью, полная бессознательной ненависти и зависти к мужчинам, у которых есть то, чего она хотела и надежду на что она была вынуждена оставить, она создала часть себя из своего собственного тела и словно бы партеногенетически, не нуждаясь в муже, лучшее, что есть в ней, свой собственный идеал – совершенный фаллос». Этот мальчик не столкнется с вызывающей зависть и ненавистной помехой в виде маскулинности; это, как ей кажется, гарантирует ему с рождения и далее физическая красота, дополняемая пьянящим опытом вскармливания, при котором он предстает чудесным едоком, наслаждающимся телом своей матери. Этот блаженный симбиоз устанавливается с самого рождения и свирепо охраняется этой матерью, ибо «теперь она удерживает внутри себя лекарство от своей неизбывной печали длиной в жизнь». Создавая этот симбиоз, она привязывает к себе – принимает в себя – своего сына настолько, насколько это возможно физически. Идентифицируясь с ним, она пытается отменить свое собственное травматическое младенчество, заменить собственную фрустрирующую мать; нынешние мать и младенец будут абсолютно хорошими.

Эдипова ситуация, развивающаяся в дальнейшем, подтверждает странность этого симбиоза. Его отличительной чертой является отсутствие конфликта. Мальчик не формирует гетеросексуальных инцестуозных бессознательных фантазий, отец как триангулирующая функция не присутствует в этой семейной системе, и, как следствие, у ребенка никогда не возникает эдипова конфликта. Двое являются до такой степени одним, располагают такой свободой по отношению к телам друг друга, что никакого сексуального напряжения не возникает. Мальчик не желает свою мать как отдельный объект противоположного пола, и она не испытывает по отношению к нему сексуального желания. Примером тому служит у нее отсутствие заинтересованности в том, чтобы он стал маскулинным.

Говоря о женщинах-транссексуалах, Роберт Столлер рисует довольно простую схему. У них, в отличие от мальчиков, не существует специфической протофеминной фазы симбиотического единения с матерью. Наоборот, в раннем детстве возникает ужасный разрыв, который разлучает девочку с матерью, которая становится недоступной. Такие матери учат

девочек, что женский пол ничего не стоит, и тогда, когда, к примеру, особым расположением пользуются братья, возникает невыносимая зависть к мужчинам. Эти девочки становятся взрослыми: матери транссексуалов утоляют эту зависть к пенису, когда выращивают свой собственный прекрасный фаллос, будущего транссексуала; женщины-транссексуалы делают это с помощью гормональной и хирургической смены пола, заключающейся в том, что фаллос буквально пришивают к их телам. Все тело становится новым фаллосом – объектом контроля и власти над полами.

Символизация первосцены в механизмах развития психики транссексуалов

Концепция первосцены – это то, что лежит в основе фундамента развития структуры психики человека. Метафорически это набор бессознательных мифов и законов, которые связывают сознательное и бессознательное, которые определяют место человека в этом мире и его отношение с миром и другими людьми. Джойс Макдугалл определяет первосцену как «весь запас бессознательного знания ребенка и его личной мифологии о сексуальных отношениях людей, в особенности родителей. Кроме генитальных аспектов первичной сцены и связанных с ней фаллически-эдипальных конфликтов эта сцена может также быть описана в доэдипальных терминах, таких как орально-эротические и орально-пожирательные фантазии, анально-эротические и анально-садистские обмены, бисексуальная путаница, архаические фантазии о сосании крови, страх утраты чувства своей идентичности или представления о границах своего тела» (Макдугалл, 1999, с. 18).

П. Иконен и Э. Рехардт в статье «К универсальной природе фантазий о первичной сцене» приходят к несколько другим выводам: массивные, смутные и разрушительные фантазии о первичной сцене, которые проявляются в сочетании с серьезной психопатологией, обычно являются признаком заметной неполноты психической работы. Они отражают психопатологию, которая не обязательно коренится в травмах детства, связанных с первичной сценой, а скорее возникает из-за различных факторов, мешающих развитию ребенка и приводящих к агонии исключенности (Иконен, 1984). То есть в фантазиях о первосцене может содержаться как вектор дальнейшего невротического, так и перверсного развития психики. «Агония исключенности» здесь может означать невозможность признать исключенность из родительской близости. Переживание исключенности в конечном итоге должно стать бессознательной репрезентацией инцестуозного запрета.

Невротическое функционирование субъекта предусматривает первосцену, в которой становятся символически репрезентированы основные «достижения» эдипова комплекса: разница полов, собственная принадлежность к одному из полов, разница поколений и инцестуозный запрет. Что же происходит в транссексуальном сценарии первосцены, что делает возможным непризнание принадлежности к собственному полу?

Ханна Сигал в статье «Заметки о символизации» (Segal, 1981) говорит о том, что для начала процесса символизации психике ребенка нужна нехватка. Нехватка, которая образуется в момент отсутствия объекта. В этот момент психика ребенка решает задачу, как пережить отсутствие объекта. Происходит переход от идентификации восприятия («пока мама рядом – она существует») к идентификации мысли. Начинает создаваться бессознательная репрезентация материнского объекта, которая впоследствии делает возможной работу горя по первичному объекту. Начинается разграничение Эго и объекта, это разграничение должно быть символически репрезентировано в психике. Это является важнейшим шагом для начала разграничения символа – как внутриспсихического элемента – и символизированного объекта. Символизация – это не одномоментный психический акт. Это процесс, повторяющийся вновь и вновь: необходима некоторая константность восприятия объекта. Условно говоря, материнский объект должен исчезать и появляться, своим возобновляющимся присутствием подтверждая создающуюся репрезентацию в бессознательном. Рене Руссийон в работах по символизации также отмечает, что процесс символизации, если он может стать автономным, может быть завершен на ранних стадиях, только если рядом присутствует субъект, способный разделить и принять этот процесс. Здесь имеется в виду возможность материнской настройки на младенца, которая своим откликом и взаимодействием подтверждает младенцу факт их психической жизни, что встреча состоялась. Своим откликом и эхом на потребности и реакции ребенка она становится сначала объектом присутствующим. Сначала нужно признать, что объект есть, а затем это позволяет признать его отсутствие. Если же в отношениях с первичным объектом не происходит размыкание симбиотической слитности диады «мать – ребенок», то процесс символизации нарушается (Руссийон, 2017). Символизация начинает свою работу при условии существования нехватки объекта. Нехватки, которую можно пережить, начав создание символической репрезентации.

Психоаналитические исследования психозов практически единогласны во мнении о том, что психотическая структура психики характеризуется тотальной невозможностью осуществления процесса символизации. Несимволизированное содержание психики отбрасывается и возвращается в виде галлюцинаций или бреда. Бессознательное не наполняется символическим содержанием.

В психике транссексуала как будто есть пустоты. Будто в их случае процесс символизации обошел стороной некоторые из важнейших положений об устройстве мира и идентичности. Например, положение о разнице полов. Эта разница признается сознанием, но не репрезентируется в бессознательном как закон. А того, чего нет в бессознательном, того не может быть и в реальном. И тогда отсутствие разницы полов дает возможность воспринимать свой пол не как непреодолимую данность, а как конструктор в руках хирурга и эндокринолога. Но одновременно с этим отсутствуют нарушения мышления или любая другая продуктивная симптоматика, которая могла бы нам позволить говорить о психозе.

Феномен трансгендерности в оптике психоаналитического рассмотрения перверсий

Чтобы применить понятие «перверсия» к транссексуальности, нам необходимо провести важное разграничение, которое стало достижением психоаналитической мысли второй половины XX века. Перверсивный сексуальный акт не всегда означает перверсивную структуру психики. Сексуальность отделилась от структуры. Важнейшими характеристиками перверсии стало наличие специфических ведущих защит в виде частичного отрицания и расщепления. Перверсия как структура стала рассматриваться как защитная организация психики против непереносимой сепарационной и кастрационной тревог.

М. Кляйн, Д. Винникотт и Р. Фэйрберн в изучении структуры перверсии уделяют особое внимание преэдиповым источникам агрессии в отношениях матери и ребенка. По их мнению, младенец проецирует на мать сильнейшую оральную агрессию, порождая таким образом ранние угрожающие образы родителей (Кляйн, 2009; Винникотт, 2017; Фэйрберн, 2020). Впоследствии кастрационная тревога становится непереносимой, и психика формирует структуру перверсии, в которой зрелая генитальная сексуальность невозможна.

Перверсия должна решать сложнейшую задачу сепарации от фаллической матери и избегания кастрационной эдипальной тревоги. Но эта задача осложняется недостаточностью отцовской функции и невозможностью утраты материнского объекта ввиду либо ранней сексуальной стимуляции ребенка (или других инцестуозных посланий матери), либо невозможности проделать работу горя со стороны матери и, как следствие, со стороны ребенка. В данном случае стратегия трансвестизма, которая часто ассоциируется с так называемой вторичной транссексуальностью, является перверсивным решением вышеописанной задачи. Мужчина признает свой пол и гендерную идентичность, но в моменты переодевания в женщину реализуется первертное расщепление: «Я знаю, что я мужчина, но другой воспринимает меня как женщину». Эта практика сексуализируется и таким образом отыгрывает инфантильные сексуальные желания. Женская одежда становится фетишем – материнским фаллосом. А сам сексуальный акт становится бессознательным триумфом над эдипальным законом о разнице полов. С одной стороны, женская одежда является «безопасным» обходом эдипального запрета, а с другой стороны, фетиш – это то, что всегда находится под контролем. Контроль над сценарием символизирует победу над бессознательным страхом перед фаллической поглощающей матерью.

В понимании перверсий важно обратить внимание на то, что ряд психоаналитических авторов уделяют особое внимание тому, на каком уровне психосексуального развития формируется перверсия. Отто Кернберг пишет о том, что более высокий уровень обнаруживается у пациентов, которые формируют перверсию с целью справиться с кастрационной тревогой. В этом случае чаще бессознательная агрессия матери к ребенку сексуализируется, а функция отца имеет место, но в очень обесцененном

виде (Кернберг, 2001). Эти пациенты часто демонстрируют некоторый уровень символизации и частичную возможность фантазирования. В связи с тем, что я часто говорю об инцестуозности или сексуальном стимулировании младенца, нужно добавить, что и кастрирующей фигурой в этих отношениях выступает тоже мать. Она в какой-то момент прекращает эту стимуляцию. Джойс Макдугалл пишет, что мать одновременно является и соблазнительницей, и тем, кто запрещает этим действиям развиваться дальше (Макдугалл, 2010).

Второй уровень перверсий связывают с формированием защит от сепарационной тревоги и агрессии в отношениях матери и младенца. В этом сценарии фигура отца отсутствует в бессознательном матери и часто в реальной жизни семьи. Мальчику труднее сформировать мужскую гендерную идентичность в отсутствие отцовской функции и, как это ни парадоксально, в отсутствие инцестуозного сексуального соблазнения. В случае сексуальной стимуляции мать так или иначе бессознательно обращается в сыне к мужской, пусть и догенитальной, сексуальности сына. С. Коэн пишет о том, что подобные пациенты демонстрируют часто невозможность символизации и склонны к отыгрыванию в действии (Коэн, 2004).

Симона Аржентиери также выделяет две возможные стадии формирования перверсии. На ее взгляд, трансвестизму соответствует более зрелая стадия сепарационно-индивидуационного процесса, который в свою очередь соответствует переходной фазе в винникоттовском смысле. А о транссексуальности, лишённой компонента сексуального отыгрывания, она пишет: «Мыслительный процесс транссексуала, несмотря на его ограниченность ядром гендерной идентичности, очень связан с конкретностью тела; он тонет в реальности и невосприимчив к игре иллюзий. Отчаянное упорство в поиске решения на биологическом уровне – это симптом отсутствия доступа к символическому, укорененный в области неполного разделения между Я и не-Я» (Argentieri, 2018).

В случае мужской транссексуальности мальчик изначально отказывается признавать свой биологический пол. Формирование его гендерной идентичности является угрозой для симбиотических отношений с матерью. Его гендерная идентичность является бессознательной мишенью материнской агрессии, и тогда, спасаясь от этой агрессии и в попытках сохранения идентичности, мальчик отказывается от мужской идентичности и принимает женскую гендерную идентичность. Часто этот симбиоз матери и ребенка выглядит как пространство, в котором нет места работе горя и символизации. Поэтому психика ребенка становится неспособной к символическому или фантазийному решению по сохранению своей идентичности. Отрицание проходит по «линии» границы полов, и тело превращается в конструктор – или фетиш. Фетиш принимает на себя роль контейнера для бессознательной агрессии матери (а как следствие, и ребенка) и используется для конструирования новой биологической реальности – нового пола. В этом случае мужскую транссексуальность можно воспринимать как несексуализированную перверсию, для которой характерны отрицание принадлежности к собственному полу и бессознательное отрицание разницы полов, маниакальным триумфом которого

становится возможность хирургической смены пола. Говоря о мужской транссексуальности в контексте первертной структуры, важно подчеркнуть, что, в отличие от трансвестита (который имеет доступ к догени- тальной сексуальности, обозначенной частичными влечениями), транс- сексуал полностью отказывается от любых проявлений своей сексуаль- ности до смены пола. Мужские половые органы подлежат удалению, и сексуальные отношения становятся возможны только после операции по смене пола. В этих сексуальных отношениях мужчина, ставший женщи- ной, принимает на себя роль объекта (того, кто приносит удовольствие другому) сексуального, отказывая себе в удовлетворении.

В случаях женской транссексуальности есть также характерные для перверсий бессознательное отрицание разницы полов, что делает воз- можным конструирование нового тела с помощью операции и гормоно- терапии. Доменико ди Сегли в своем исследовании транссексуальности пишет о том, что как женщинам, так и мужчинам-транссексуалам прак- тически недоступен процесс символизации, и поэтому они ищут реше- ния сепарационной задачи в изменении биологии тела. В их бессозна- тельном нет символических репрезентаций разницы полов. Поэтому в буквальном смысле: «у кого есть пенис – тот и мальчик, у кого его нет – тот девочка». Смена пола становится простой перестановкой поло- вых органов, не затрагивающей внутриспсихические репрезентации по- лов (*Di Ceglie*, 2018). Также кроме отрицания разницы полов есть мани- акальная одержимость идеей смены пола. Для женщины транссексуаль- ность становится перверсным способом сепарации от фаллической ма- тери, которая бессознательно репрезентируется как разрушающая и по- глощающая. Из-за невозможности работы горя и недоступности сим- волизации в этом симбиозе психике девочки остается только «пришить себе недостающий фаллос» и тем самым обрести отдельную иденти- чность. Этот фаллос становится способом триангуляции симбиотиче- ских отношений и спасением от психоза. Джойс Макдугалл упомина- ет об этом в статье о связи первосцены и сексуальных перверсий: «Этот бесконечный поиск отца, чего-то, что встанет между ребенком и все- могущественной матерью. <...> Он также дает психике защиту от пси- хоза, но в то же время обозначает хрупкость перверсной структуры» (Макдугалл, 2010).

В качестве обобщения следует указать еще раз, что психоаналитиче- ское исследование феномена транссексуальности имеет не только соб- ственно психоаналитическое значение, но и значение социальное, по- скольку активизация исследований многообразия социального поведе- ния способствует развитию социальных представлений о разнообразии норм человеческой жизни. Уточним здесь два понятия: транссексуаль- ность и трансгендерность. Следует сказать, что трансгендерность – это понятие, определяющее социальный феномен – то, что видит общество. Транссексуальность – понятие психоаналитической теории, которое объ- ясняет психические механизмы такого феномена, то есть психоаналити- ческие исследования транссексуальности представляют собой объясни- тельные модели социальных феноменов трансгендерности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батлер Дж.* Психика власти: теория субъекции / Джудит Батлер; пер. [с англ.] З. Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). 158, [1] с.
2. *Винникотт Д.* Ребенок, семья и внешний мир: [16+] / Дональд Д. Винникотт; пер. с англ. А. Багрянцева. Москва: ИОИ, 2017. 253, [2] с.
3. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Независимая фирма Класс, 2001.
4. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: [в 6 т.] / Мелани Кляйн; пер. с англ. и нем. [М.Л. Мельниковой и др.]. Ижевск: ERGO, 2007. 22 см. Т. 5: Эдипов комплекс в свете ранних тревог и другие работы 1945–1952 гг. 2009. 310 с.
5. *Макдугалл Дж.* Первосцена и сексуальные перверсии // под ред. А.В. Литвинова и А.Н. Харитонов. Психоаналитические концепции психосексуальности. М.: Русское психоаналитическое общество, 2010.
6. *Руссийон Р.* Сексуализация и десексуализация в психоанализе // под ред. П.В. Качалова и А.В. Россохина. Уроки французского психоанализа. М.: Когито-центр, 2007.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
8. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. Изд. 2-е, испр. Санкт-Петербург: Гуманитарная акад., 2012. 415 с.
9. *Фэйрберн Р.* Основные труды Р. В. Д. Фэйрберна / перевод с английского В.А. Курманаевская [и др.] под редакцией В.В. Старовойтова; ред.-сост. В.В. Старовойтов. Москва: Канон-плюс, 2020. 319 с.
10. *Argentieri S.* (2018) Language, Symbolisation and Psychosis, Karnac Books.
11. *Coen S.J.* (1981) Sexualization as a predominant mode of defense. Journal of the American Psychoanalytic Association, 29, 893–920.
12. *Di Ceglie D.* (2018) Between Scylla and Charybdis: exploring atypical gender identity development in children and adolescents, Transvestism, Transsexualism in the Psychoanalytic Dimension, London: Routledge.
13. *Ikonen P., Rechart E.* (1984) On the universal nature of primal scene fantasies. The international Journal of Psychoanalysis, 65, 63–72.
14. *Segal H.* (1978) On Symbolism. The international Journal of Psychoanalysis, 59, 315–319
15. *Stoller R.* (1968) Sex and Gender: the Transsexual Experiment, Hogarth Press, 328.

Psychoanalytical approach to transgender phenomenon

L.N. Subbotina

Subbotina Lyubov Nikolaevna – clinical psychologist, psychoanalytically oriented psychologist, associated member of Moscow Psychoanalytical Association.

The article analyzes the features of the primal scene and symbolization processes in transgender persons. The psychoanalytic view on the transsexuality is revealed in the context of the general history of the theoretical definition of sexuality based on psychoanalytic, philosophical, and social thought. The article reproduces the psychoanalytic interpretation of the psychic mechanics of transsexualism.

Keywords: transsexuality, symbolization, primal scene, perversion, transgender, sexuality.